

УДК 801.313.1+802.0

Людмила Гнаповская

Украинская академия банковского дела Национального банка Украины

АДРЕСОВАННОСТЬ КАК КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ТЕКСТОВОЙ ПРИРОДЫ АНТРОПОНИМА

© Гнаповская 2007

У статті особливості взаємодії адресата та адресанта у семантичній структурі антропоніма розглядаються в контексті інтерпретації власної назви як згорнутого національно-культурного тексту.

The paper dwells on some peculiarities of anthroponymic nomination. Text nature of a proper name is under detailed analysis with respect to the addresser-addressee relationship within its semantic structure.

Ключевые слова: антропоним, свернутый национально-культурный текст, адресованность, адресат, адресант.

Ключові слова: антропонім, згорнутий національно-культурний текст, адресованість, адресат, адресант.

Key words: anthroponym, condensed ethnic cultural text, addresser, addressee.

Адресованность является базисной категорией всякого текста, отражающей его свойство обязательно воплощаться в ком-то, кто по отношению к адресанту выступает в роли «значимого другого» — того, кто текст воспринимает и осмысляет, и в ком авторский замысел претворяется в нечто живое, реальное и осязаемое. Всякий антропоним, определенным способом вербализуя коммуникативную установку имядателя-адресанта, непременно имеет и своего собственного адресата. Взаимоотношения внутри этой диалектической пары

составляют основу категории *адресованности* личного имени (ЛИ), которое мы рассматриваем как свёрнутый национально-культурный текст (НКТ) [3].

Специфика адресованности антропонима определяется действием *семиотического фактора* — в частности, тем, что всякий языковой знак (ЛИ в том числе) с точки зрения его *восприятия* является *интенциональным*, т.е. специально предназначенным для передачи значения. Это неизбежно предполагает наличие, с одной стороны, *отправителя* с его коммуникативной интенцией, которую знак реализует, с другой — *получателя-интерпретатора* данного знака.

ЛИ, будучи одной из универсалий культуры, выполняет кумулятивную функцию. Оно кодирует в своей внутренней форме (ВФ) определённый социальный сюжет, вписанный в общий контекст культуры современного функционированию имени общества. При этом стремление с помощью достаточно компактной языковой *формы* (антропонима-лексемы) передать достаточно ёмкое *содержание* подчинено действующему в языке как семиотической системе закону языковой экономии. Таким образом, ЛИ является своеобразным транслятором заключённой в нём *многоплановой* информации от отправителя к получателю, в силу чего является сложным языковым знаком, т.е. свёрнутым текстом.

В акте наречения именем посредством вербального знака — слова-имени — воплощается эстетическое видение ребенка родителями, их любовь и желание видеть дитя счастливым (само понятие «счастья» при этом обнаруживает явную зависимость от ценностных эталонов социума). Следовательно, сам этот акт приобретает «значимость художественного события, осуществляющегося между двумя душами» [1: 163]. И здесь ценностное самосознание «Я» носителя имени происходит в авторитетном «другом» имядателя — его любви и интересе. Таким образом, акт наречения ребёнка именем по сути своей является *актом словесного художественно-эстетического творчества* (по М.М. Бахтину), поскольку сопряженными в нем оказываются момент *оценки* общественно обусловленных характеристик именуемого и момент выбора адекватных словесных форм для

выражения этой оценки. Ценностная установка сознания в акте номинации именем доминирует, и обусловлена она *ценностной ориентацией* самой жизни человека-личности: «Жить, — отмечает М.М. Бахтин, — значит занимать ценностную позицию в каждом моменте жизни, ценностно устанавливаться» [1: 164]. Поэтому в каждом событии бытия, считает исследователь, ориентация авторского «Я» на объективное, ценностно определенное существование значимого с эстетической точки зрения «*другого*» является тем неотъемлемым компонентом сознания, который и делает возможным всякое человеческое сосуществование и общение. «Я» и «другой» суть основные ценностные категории», две стороны единого акта самосознания. Как утверждает Ю.М. Лотман, выделение индивидуальности, самобытности отдельной личности как основы её ценности для «другого» и «других» (и связанное с этим использование собственных имен) является наиболее ярким проявлением человеческой природы [5: 54].

В свете вышесказанного всякое ЛИ предстает перед исследователем в момент диалектического взаимопроникновения двух крайних членов коммуникативного акта — субъекта (адресанта имени) и объекта (адресата имени). Последний приобретает в процессе этого взаимодействия функциональный статус «значимого другого». При этом обращает на себя внимание ассиметричность этих «ценностно-смысловых полюсов культуры», их функциональное неравноправие. Адресант-имядатель, нарекая ребёнка именем, осуществляет свою интенцию, выбирая для этого адекватный языковой материал. В этом отношении он представляет активное начало в структуре номинативного акта. Пассивен здесь адресат-носитель имени, которому номинатор в конечном счёте навязывает свою волю, не оставляя ему никакой возможности выбора и/или интерпретации имени. Налицо, таким образом, ***жесткая, заданная адресованность*** антропонима-текста, обусловленная вынужденной пассивностью адресата.

В этой связи важно отметить, что имядатель, нарекая ребёнка именем, при всей кажущейся свободе своей имятворческой фантазии, также не является

полностью свободным в выборе имени. Он есть «всего лишь продолжение в субъективно-человеческом материале /.../ диктата общественно-исторической объективности» [4: 20], поскольку социум как коллективная личность диктует свои антропонимические требования и обуславливает каждый конкретный акт наречения именем системой сложившихся в нём объективно-исторических закономерностей эпохи. С другой стороны, говоря об адресате-носителе имени, мы не можем не признать, что он наравне с имядателем также находится в «железных тисках» современной ему культурно-исторической традиции. При этом самым изменчивым в нем является не он сам или его индивидуально-личностное сознание, а именно тот контекст культуры, в который его сознание вписывается. Поэтому моделирование типологического образа адресата определенной эпохи невозможно «без выяснения способов восприятия мира в эту эпоху, без учета семантического инвентаря культуры».

Говоря о специфике адресованности ЛИ как свернутого НКТ, следует отметить ещё одну важную её черту. Складывающийся в результате интерпретации образ носителя имени возникает как следствие присущего антропониму-тексту расщепления адресата. Именно *расщеплённость адресата* и является основой для реконструкции на основе ВФ личного имени как текста в целом, так и образа его адресата в частности. При этом адресат-носитель имени — лишь одна из плоскостей, в которой реализуется адресованность как текстовая категория антропонима. Это первичный, *реальный* адресат — тот, кому имя адресовано прямо, на кого непосредственно направлена воля номинатора. Однако, существует и вторая, существенно отличная от первой, плоскость реализации адресованности ЛИ-НКТ. Связана она с существованием т.н. «вторичного адресата» — адресата-интерпретатора ЛИ как лингвосоциального знака человека-личности. Адресованность в данном случае является косвенной, опосредованной наличием реального адресата, и обусловлено это спецификой антропонима-текста в сравнении с текстами других типов, в частности с художественным текстом. Отличие ЛИ как свернутого НКТ от, в частности, художественного текста состоит в том, что последний специально создается с целью его последующей

интерпретации определенной читательской аудиторией, в то время как антропоним-текст на такую интерпретацию прямо не нацелен. Интерпретация закодированного в ВФ имени текста интерпретатором (вторичным адресатом) осуществляется, как и в случае художественного текста, по определенной вписанной в него программе. Однако, программа эта не ориентирована прямо автором имени на ее дальнейшее «распутывание» интерпретатором, поскольку нацелена она прежде всего на лингвосоциальную идентификацию именуемого, т.е. на реального адресата-носителя, пассивно воспринимающего её.

Таким образом, вторичный адресат *потенциален* по своей сути, и этим отличается от *реального*, первичного адресата. При этом, в отличие от последнего, он активен. Это субъект собственной интерпретации, творческого осмысления интенции автора и ее воплощения в конкретном языковом материале. Вторичный (фиктивный) адресат посредством собственной «интроспекции» интерпретирует и оценивает представленное автором имя, «прочитывает» его, наполняет его собственным лингвистическим и культурным (жизненным) опытом. И результатом этого «прочтения» является текст, семантическое пространство которого в свёрнутом виде хранится за ВФ личного имени, а также вписанное в этот текст представление о его реальном адресате-носителе имени.

Анализ антропонимической системы народа как совокупности составляющих её имен-текстов позволяет перейти на более высокий уровень абстракции при рассмотрении специфики адресованности антропонима. В результате интерпретатор получает возможность смоделировать прототипический образ *совокупного адресата* как коллективной личности определенной культурно-исторической эпохи. В этом смысле совокупный адресат представляет собой гипотетический конструкт, выработанный на базе обобщенного учитывания социально-типологических свойств множества конкретных реальных адресатов, составляющих социум на определенном временном и социальном срезе. Иными словами, он выступает как «целостный, но параметризованный объект, некий «сгусток» общественных отношений, как другая, по сравнению с автором, личность» [2: 79].

Всё вышесказанное позволяет заключить, что адресованность как базисная категория национально-культурного текста, каким является по своей природе ЛИ, опредмечивает различные стороны и аспекты взаимодействия в семантической структуре рассматриваемого текста диалогической пары «адресант» — «адресат». При этом расщепление адресата на *первичного* — носителя имени и *вторичного* — его интерпретатора позволяет последнему как субъекту осмысления заложенных в имени глубинных смыслов декодировать свёрнутое за ВФ антропонима семантическое пространство текста путём анализа отбора и аранжировки в нем языковых элементов. Элементы эти выступают в данном случае своего рода *лингвистическими сигналами адресованности* ЛИ определённому социальному типу адресата-носителя имени. Как «вехи», «нити», из которых складывается общая целостная картина, они позволяют исследователю проникнуть в концептуальный континуум культуры определенной эпохи и на этой основе смоделировать типологический образ (прототип) совокупного адресата как коллективной личности, т.е. распределить включенное в текст антропонима представление об именуемом определенной культурно-исторической традиции.

Список литературы

1. Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. — М.: Искусство, 1979.
2. Воробьева О.П. *Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межъязыковая коммуникация): Дис... д-ра филол. наук: 10.02.19. — М., 1993.*
3. Гнаповская Л.В. *Лингвокогнитивные и лингвокультурологические характеристики английских антропонимов германского происхождения): Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. — К., 1999.*
4. Кондаков И.В. *К поэтике адресата (в контексте идей академика Г.В. Степанова) // Res Philologica: Филологические исследования (памяти акад. Г.В. Степанова)*. — М.; Л.: Наука, 1990. — С. 18-29.
5. Лотман Ю.М. *Культура и взрыв*. — М.: Гнозис; Изд. группа «Прогресс», 1992.